

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / [Ed. by M. Rundell]. — London: Macmillan Publishers Limited, 2006. — 1692 p.

New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language / [Ed. by B. S. Cayne]. — Danbury, CT: Lexicon Publications, 1986. — 1248 p.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / [Ed. by S. Wehmeier]. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. — 1540 p.

Oxford Guide to British and American Culture. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. — 542 p.

Oxford Wordpower Dictionary / [Ed. by S. Wehmeier]. — Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. — 746 p.

Scribner Dictionary / [Ed. by William D. Halsey]. — N. Y.: Scribner Educational Publishers, 1986. — 1190 p.

Webster's New Collegiate Dictionary / Springfield, Mass.: G.&C Merriam Co, 1974. — 1536 p.

Т. Н. Никульшина

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМОВ ИРРЕАЛЬНОГО МИРА НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ (из опыта лексикографического исследования)

В статье исследуются семантико-когнитивные особенности наименований человека в ирреальном мире в английском и украинском языках на материале лексикографических источников. Проведенное исследование позволяет выявить общие характеристики изучаемых номинаций. Особое внимание уделяется описанию семантической классификации наименований человека.

Ключевые слова: антропоним, ирреальный мир, имя собственное, референт, прозвище.

T. M. Nikulshina

SEMANTIC AND COGNITIVE ASPECTS OF ANTRONOMYMS OF THE IRREALITY IN THE ENGLISH AND UKRAINIAN LANGUAGES BASED ON DICTIONARY DATA

The article deals with the semantic and cognitive peculiarities of naming people belonging to the world of irreality. The analysis is based on data of English and Ukrainian dictionaries. The article provides general nomination characteristics. Semantic classification of nouns in question is highlighted.

Key words: antroponym, world of irreality, proper name, referent, nickname.

УДК 81`373.23

Т. Ф. ШУМАРИНА, И. В. МУРАДЯН

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ КАУЗАЦИЯ ДИСКОМФОРТА В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируется личное имя как причина эмоционального дискомфорта в речевой коммуникации.

Ключевые слова: личное имя, коммуникация, дискомфорт.

Единицы, составляющие антропонимическое пространство языка, специфичны в силу своей гипертрофированной экстралингвистичности, что делает их особенно привлекательными для представителей многих наук: историков, психологов, языковедов, специалистов по социо- и психолингвистике. Среди речевых средств эмоциональной суггестии антропониму по праву отводится одна из ведущих ролей.

Гипнотическое влияние личного имени на человека, его доминирование в сознании носителей над всеми иными словами языка неоднократно доказывалось специалистами в различных областях человеческой деятельности, в том числе и в популярной книге по речевому воздействию Дейла Карнеги, где, как мы помним, утверждается, что среднего человека больше интересует его собственное имя, чем другие имена во всём мире, вместе взятые. Вследствие вышесказанного можно заключить, что имя собственное является универсальным средством выражения эмоционального содержания системы «конфронтация — кооперация» и, следовательно, приспособлено для функционирования в дискредитационном дискурсе в качестве инвективы. Однако в ряде случаев употребление пейоративного имени (любой антропонимической формы, трактуемой как неприемлемой) невозможно считать оскорблением, поскольку унижение или осмеяние осуществляется адресантом неосознанно. И тем не менее подобный акт не перестаёт оцениваться как агрессивный в силу расподобления иллюзии и перлокутивного эффекта:

разграничение продуктивной и рецептивной речевой деятельности позволяет квалифицировать антропонимический пейоратив не как вербальное средство нанесения оскорбления адресантом, а как причину возникновения обиды — эмоционально-психологического состояния, возникающего вследствие речевого действия, оцениваемого адресатом как противоречащее самооценке и вызывающее эмоциональный дискомфорт.

Зона комфорта языковой личности определяется стабильными конвенциональными нормами — совокупностью статусных, ролевых и ситуативных стереотипов речевого поведения. Нарушение границ зоны неминуемо провоцирует возникновение эмоционального дискомфорта. Мощнейшим стрессором, понимаемым как языковое средство, способное каузировать состояние эмоционального дискомфорта у адресата, является имя собственное человека. Универсальность антропонимической единицы в качестве инвективного средства предопределена неразрывной связью одного из центральных структурных компонентов самосознания — самооценкой — и характером межличностной коммуникации. Как известно, проблема «личностного Я», самооценки формулируется в настоящее время в терминах идентичности — личностной (персональной) и социальной. Личная идентичность — это система приписываемых себе в данный момент физических, интеллектуальных и нравственных качеств, социальная — качеств групповых, например статусной и ролевой позиции. Психологи считают, что зачастую самооценка при прохождении сквозь призму сознания искажается и не всегда отражает её (личности) реальные качества. Руководствуясь именно этими субъективными представлениями, говорящий и слушающий вступают в речевую коммуникацию. И в этой ситуации самое сложное в проблеме конфронтативности, как считают учёные, — объективная оценка, с одной стороны, интенции автора, с другой — оценка интерпретации данного текста субъектом, посчитавшим себя оскорблённым [1].

Субъективная дешифровка нарушения коммуникативного кодекса и квалификация антропонима в качестве маркера коммуникативной перверсии провоцирует у носителя имени состояние эмоционального дискомфорта, вплоть до депрессивного эффекта. Думается, причина данного положения вещей обусловлена той высокой значимостью имени, степень которой последовательно растёт на разных этапах онтогенетического развития, аккумулируя и определяя ценностные ориентации и потребности личности. Инициация эмоционального дискомфорта посредством антропонимического стрессора в речевой коммуникации имеет форму социолектологических стереотипов, сложившихся в результате не только конфронтации, как можно было бы ожидать, но и конгруэнции кодирования и декодирования интенционального содержания антропонимической единицы.

Таким образом, успешное функционирование имени собственного в качестве стрессора и провокатора эмоционального дискомфорта прямо пропорционально значимости личного имени для индивида и предопределено его способностью к экспликации в виде речевых стереотипов конкретных составляющих персональных и социальных звеньев самосознания.

Среди персональных компонентов самосознания дискредитации посредством имени собственного регулярно подвергаются возраст, пол, расовая принадлежность, физические и психические свойства.

Возраст. Причиной возникновения обиды как реакции на «возрастной» антропонимический стрессор может быть как адресант, так и сам объект именованного. Например, адресант не способен адекватно оценить соотношение возрастных характеристик, что приводит к употреблению неуместного антропонимического варианта (*Боря* вместо *Борис Борисович* или *Мария* вместо *Мария Ивановна*). Опасна в этом смысле формула «детерминант дядя» и особенно «тётя» + гипокористика (*тётя Валя*, *дядя Вася*). В семейно-дружеской коммуникации такое предпочтение далеко не всегда отвечает ролевым ожиданиям адресата. Подобный эмоциональный эффект можно прогнозировать и вследствие употребления лепетного имени в адрес молодого человека, юноши (*Кожа*, *Кука*, *Абаба*). При этом в ходе опроса было установлено, что девушки не ощущают эмоционального дискомфорта вследствие их номинации лепетными именами типа *Ляля*, *Лёля*.

Первопричиной «возрастного» дискомфорта может оказаться, как уже отмечалось, и сам объект именованного. Рассогласование хронологического и психологического (самооценка, часто искаженная) возраста способно привести к временной децентрации, которая реализуется в двух формах: децентрации в прошлое и децентрации в будущее. Децентрация в прошлое, порождающая феномен консервации возраста, чаще наблюдаемый у женщин, обуславливает ожидание гипокористик и деминутивных антропонимических форм. Актуализация же объективно адекватных номинаций может привести к возникновению дискомфорта («*Варвара Петровна!*» — «*Лучше зови меня Варей*» (РР). Однако следует заметить, что функционирование подобных антропоупотреблений строго регламентировано рядом социальных условий. Нарушающие конвенциональные границы номинации получают статус инвективы. Результаты экспериментального исследования корреляционной зависимости антропонимических номинаций и гендерно-возрастного фактора подтвердили выдвинутую гипотезу и доказали, что наиболее интенсивные негативные эмоции деминутивные формы вызывают в ситуациях Ж1 → ЖЗ и М1 → ЖЗ, где

Ж — женщины, М — мужчины; 1 — молодое поколение (20—35 лет), 3 — старшее поколение (после 50 лет). Допустимость/недопустимость указанных антропонимических форм в ситуациях М1 → М3 и Ж1 → Ж3 может быть решена только на основе хронологических либо психологических (приписываемых) возрастных параметров. Необходимо также указать, что подобные антропонимические употребления всегда интенционально обусловлены. Целью коммуникативных актов, включающих антропонимический стрессор, является достижение локутивного эффекта оскорбления либо иного прагматического эффекта, например выражения лести, что в ситуациях, отмеченных гендерной оппозицией (М1 → Ж1 или Ж1 → М1), также воспринимается слушающим как фактор, вызывающий эмоциональное напряжение, хотя и иной этиологии. Употребление противоречащих норме антропонимических единиц не становится причиной дискомфорта, если антропонимический стрессор предварительно включается в состав автономии и только в рамках приёма «речевая маска»: (50-летняя женщина мальчику) «*Вася, это Бася...*» и уже далее «*Говори, зачем тебя Бася ко мне послала*» (Е. Логунова). Децентрация в будущее проявляется у подростков в неадекватном хронологическому возрасту стремлению к возмужанию, вследствие чего дискомфортными для них становятся такие формы именования, как гипокористики и квалитативы («*Сеня!*» — «*Я Семён!*» (РР). Дискомфорт, каузированный возрастными параметрами, может быть вызван говорящим намеренно, путём употребления антропонимической формы с неадекватной конвенциональной характеристикой: «*Вот вам, — сказала она, — мой милый Володя (она в первый раз так меня называла), товарищ. Его тоже зовут Володиёй.*» (Прибытие этого мальчика превратило меня самого в мальчика)» (И. С. Тургенев). В реальной речевой коммуникации реже, но всё-таки встречаются речевые ситуации, в которых слушающий (объект именования) демонстрирует искусственно завышенные возрастные экспектации. В этом случае при дисбалансе хронологического и психологического возраста даже адекватный статусной норме антропонимический вариант декодируется как неуместный и порождает эмоциональное напряжение («*Алексей!*» — «*Щенок! Я уже не Алексей, а Алексей Петрович*»).

Пол. Проблема притязания языковой личности на признание половой (гендерной) исключительности, на общественное уважение со стороны социума неоднократно поднималась в лингвистической гендерологии, особенно в феминистской лингвистике, исследующей дискриминацию образа женщины в языковой картине мира. В интересующем нас аспекте объектом изучения могут стать релятивные номинации, указывающие на зависимость женщины от мужчины (*жена Виктора, сестра Владимира*), а также доминирующие в количественном отношении (при почти полном отсутствии мужских) антропонимические инвективы словообразовательного типа, относящиеся к тематической группе «сексуальность»: *сексветулечка, Алка-бисексуалка* и под.: «*Трошкина скрипнула зубами и с ненавистью прошипела: «У, шахерезадницы»*» (Е. Логунова). Личное имя может стать причиной психического дискомфорта в ситуации смены фамилии при вступлении в брак (...*Я не хочу официально вступить в брак, потому что не желаю принимать мужнюю фамилию... оставить после регистрации девичью фамилию, но это притит его (жениха) гордости и чувству собственного достоинства*) (Е. Логунова). Основой для создания антропонимической инвективы является и мужской шовинизм, усилиями которого в речевом значении имени собственного актуализируется лишь сема `пол`: «*Какая-нибудь Лизонька или Машенька...*». Имя собственное как стрессовый фактор может стать объектом квил-лингвистики, где анализу будет подвергнуто эмоционально-речевое реагирование на официальную, паспортную антропонимическую формулу (или её отдельные элементы) лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Как видим, решение вопросов, связанных с антропонимическим выражением полового диморфизма в конфликтной коммуникации, требует пристального внимания и, очевидно, должно быть переведено в ранг неотложных исследовательских задач.

Этническая отнесённость. Ономастическая вербализация оскорбления этнического самоопределения личности наиболее заметна в цепочке антропонимических этноинвектив (*фриц-хачик-мамбет-наташа-сара-абрам*) и ксенофобских прозвищ (*жид, чурка, чебурек, чёрный, молдаванин, харакири*). Однако и другие языковые средства могут стать реальной причиной дискомфортных ощущений. К их числу следует отнести намеренное/ненамеренное искажение национальной огласовки имени (*Екатерина* вместо *Катерина* (укр.), *Фома* вместо *Хома* (укр.), *Петя* вместо *Пятрас* (лит.), *Андрей* вместо *Андрей* (рус.). Негативную эмоциональную реакцию может вызвать нарушение национальных норм орфографии (Олександр — Александр, Олена — Елена) и правил грамматики (р. п. *Шевченка, Петренка* вместо *Шевченко, Петренко*; с *Крониным* вместо с *Кронином* и под.) личных имён. В украинском судопроизводстве накопилось бесчисленное количество жалоб, связанных со случаями оскорбления посредством имени. Так, в «Цивільному кодексі України» (статья 294 «Право на ім'я») гарантируется право на транскрибированную запись фамилии и имени в соответствии со своей национальной традицией [2, с. 86]. Однако гражданам приходится регулярно констатировать ущемление своих этнических прав, особенно при оформлении официальных документов, где латиницей, например в загранпаспорте, транслитерируется не русская, а украинская огласовка имени, что однозначно интерпретируется носителем как оскорбление.

Несправедливо причинённое огорчение вызывают антропонимические употребления, направленные на дискредитацию позитивного имиджа объекта именованного. Оскорблению могут быть подвергнуты физические, психические, нравственные свойства и состояния. Возможности имени собственного к экспликации дисгармонии в любой из названных сфер практически безграничны. Модели антропонимических стрессоров этой группы, к сожалению, не отличаются разнообразием, хотя их конкретное наполнение онимным материалом неисчерпаемо по причине бесконечности метафорических образных номинаций, лежащих в основе оценки. Имеются в виду антономасии (перифразы, прецедентные тексты) с антропонимическим компонентом, фокусирующие иллокутивный смысл речевых актов оскорбления, издѣвки в рамках стратегии дискредитации. Антономасии, характеризующие внешность, речь, черты характера, манеру поведения, чувства, могут создаваться не единственно на основе метафоры, но и путем аллюзии. Антономасии — имена исторических лиц, современных представителей всех сфер деятельности, мифологических существ, персонажей художественных произведений и теле-и кинопродукции: *Пандора, Баба Яга, Кощей Бессмертный, Хлестаков, старуха Шапокляк, Борджиа, Тэтчер, Гитлер, Брут*. Инвективную коннотацию приобретают даже именованья позитивно оцениваемых современных общественных личностей и персонажей: *Паша Ангелина (чрезмерно трудоспособная), Гурченко (худая), Буратино (длинный нос): «А вы мне макияж поправите, когда закончите с этой Дюймовочкой», — сказала пышная дама лет пятидесяти с богатой фигурой и разбойничьим лицом»* (Е. Логунова). Как видим, смещение центра самооценки адресанта превращает объективную позитивную номинацию в негативную, а следовательно, и в причину эмоционального дискомфорта. Посредством актанта «в юбке» приобретают негативную оценочность и мужские именованья для обозначения женщин, когда отсутствует адекватная номинация женского рода: *Мазарины в юбке, Наполеон в юбке* и под. К негативному предиктированию приспособлены также традиционные русские имена (полные и демунивативные формы) с устойчивой пейоративной коннотацией. Это имена-символы (насмешливо-презрительные с негативным смыслом `дурак` или `деревенщина` — *Ваня, Степа, Федя*; `любопытство` — *Варвара*).

Слушающий, как правило, расценивает как оскорбление своих чувств упоминание кого-либо в беседе путём сопровождения имени собственного контекстуальным партнёром «твой» («свой»), ведь исключение объекта из сферы говорящего привносит в высказывание оттенок неприязни, презрения, осуждения. Знаменательно, что данный прием благодаря стратегии вуалирования, при которой имя собственное лишь косвенно связано с актом дискредитации, остался неизменным на протяжении более чем целого столетия: «...сидит у своей *Августины Христиановны*» (И. С. Тургенев); «*Мы, Верочка, говорим о твоём ПеПеЖе*» (А. И. Куприн); «*У твоей Анжели тоже нога не маленькая*» (Г. Куликова).

Имя собственное — настолько ценный компонент самосознания, что оберегается индивидом на всём протяжении онтогенеза: ведь именно при его участии происходит самореализация субъекта как личности. Потому любое внешнее воздействие на формальную или семантическую сторону антропонимической единицы, квалифицируемое как агрессивное, провоцирует эмоциональную реакцию, находящую выражение в речевом паттерне. С психологической точки зрения реагирование представляет собой защитный механизм, состоящий в произвольной эмоциональной разрядке, освобождающей от дискомфорта, вызванного антропонимическим стрессором.

Специфические способы выражения антропонимического стрессора данного типа имеют как экстра-, так и интралингвистическую природу. В этой связи представляют определённый интерес антропонимические актуализации в аспекте мнемической деятельности: забывание, неточное воспроизведение имени и, как следствие, демонстрация индифферентности. Подобный приём инициации психического дискомфорта настолько эффективен, что прослеживается на протяжении целого ряда исторических периодов. Ср.: «Вы, кажется, что-то говорите, г-н Конопатин? Я возьму вас завтра с собою, г-н Конопатин! — Паклин вышел, наконец, из терпения. — Паклин! — завопил он. — Моя фамилия: Паклин!» (И. С. Тургенев); «Он никак не мог выговорить — Тигеллин, а звал меня то Тигелинием, то Тинегилом. Каждый раз, когда я его поправлял, он рявкал: «Плевать. Ерунда. Стану я мозги засаривать!» (А. И. Куприн).

Итак, анализ корреляционной зависимости имени собственного и состояния эмоционального дискомфорта позволил выявить разнообразие форм и многообразие приёмов антропонимического препятствия успешной коммуникации на уровне личностной идентичности. Однако проблема конфликтного функционирования имени собственного в речевой коммуникации далеко не решена. Она многогранна, и, безусловно, проанализированные выше факты ее не исчерпывают. Требуется тщательное и глубокое изучение антропонимических стрессоров в рамках социальной идентичности; полезными могут оказаться также комплексные синхронические и диахронические исследования антропонимического выражения «Личностного Я».

1. *Голев Н.Д.* Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика — 1. Проблемы и перспективы. — Барнаул, 1999. — С.11—58.

2. *Цивільний кодекс України*: [офіційне видання]. — К.: Парламентське вид-во, 2004. — С. 86—87.

Т. Ф. Шумаріна, І. В. Мурадян

АНТРОПОНІМІЧНА КАУЗАЦІЯ ДИСКОМФОРТУ У МОВЛЕННЄВІЙ КОМУНІКАЦІЇ

У статті аналізується власне ім'я як причина емоційного дискомфорту у мовленнєвій комунікації.
Ключові слова: власне ім'я, комунікація, дискомфорт.

T. F. Shumarina, I. V. Muradyan

THE ANTHROPONIMICAL REASON OF DISCOMFORT IN SPEECH COMMUNICATION

In article the personal name as the discomfort reason in speech communication is analyzed.
Key words: personal name, communications, discomfort.

УДК 811.161.2'373.231—055.1(477.74)

Л. В. ШЕВЧУК

ДИНАМІКА НАЙУЖИВАНІШИХ ЧОЛОВІЧИХ ІМЕН МЕШКАНЦІВ СІЛ ЦЕНТРАЛЬНОЇ ЧАСТИНИ ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ

У статті аналізуються чоловічі імена, які функціонували в іменнику сіл Мала Долина, Олександрівка, Бурлача Балка Одеської області з 1942 по 2006 р., зокрема найуживаніша десятка. Простежується якісний та кількісний склад даної групи антропонімів, а також особливості їх функціонування в іменній системі м. Іллічівська.

Ключові слова: антропонім, антропонімійна система, динаміка імен, частотність.

Власні імена — це знаки, які індивідуалізують і визначають особу. Як і загальні, вони легко переходять в інші мови, проте тут проявляються деякі особливості, властиві лише їм: вони не перекладаються, зберігають своє фонетичне обличчя, не обмежені фонетичними та граматичними закономірностями, функціонують у загальному словниковому складі мови і, водночас, поза його межами.

Власні імена є об'єктом вивчення різних наук: мовознавства, історії, етнографії, філософії, психології, вони є цікавими як об'єкт вивчення української мови іноземними студентами. Не менш цікавою є проблема вибору імені для кожної конкретної людини, адже процес розвитку найменувань — це безперервний пошук форми, яка б відповідала потребам людей у чіткій ідентифікації особи, відповідала традиціям, своєрідній моді, часу.

В галузі дослідження динаміки власних імен в українській антропоніміці зроблено чимало. Цій проблемі присвячені праці С. Л. Брайтченко, Л. П. Зайчикової, Ю. О. Карпенка, О. Ю. Касім, О. Ю. Медведєвої (антропонімія Одещини), Т. Д. Братушенко (Миколаївщини), Д. А. Жмурко (Ізмаїльщини), Р. Д. Петрової (Херсонщини), Л. В. Кракалії (Буковини), С. П. Павелко (Івано-Франківщини), С. Є. Панцьо (Лемківщини), Т. В. Буги (Центральної Донецчини), Н. О. Свистун (антропонімікон м. Тернополя), І. Д. Скорук (динаміка іменника м. Луцька), Г. В. Кравченко (м. Донецька), О. Плюшко (м. Кіровограда), О. О. Горобець (м. Хмельницького). Усі вони зазначають, що антропонімійна картина постійно змінюється, отже, вивчення динаміки особових імен у різних регіонах є актуальним.

Об'єктом нашого дослідження є антропонімія центральної частини Одеської області, а саме сіл Мала Долина (колишнє Кляйн Лібенталь), Олександрівка (колишнє Арнаутівка) та Бурлача Балка. Об'єкт дослідження обраний нами не випадково. Ця місцевість є одним із найбільш яскравих прикладів історично глибокого спільного проживання представників різних національностей і культур: німців [5, с. 131—135], греків [3], українців, росіян, молдован, болгар і французів [4]. Таким чином, у даному регіоні у формуванні та розвитку українського іменника брали участь представники різних країн. Актуальність нашого дослідження визначається ще й тим, що антропонімія даної території не піддавалася спеціальному статистичному аналізу.

У цій статті маємо за мету проаналізувати найуживаніший чоловічий іменник. В основу нашого дослідження лягли матеріали алфавітних книг сіл Мала Долина, Олександрівка та Бурлача Балка, за якими було простежено динаміку іменника даних поселень з 1942 по 2006 роки (метричні книги із записами до 1941 р. включно були втрачені під час війни). Для більш повного уявлення про іменну систему мешканців цих сіл вважаємо за доцільне застосувати кількісно-якісний метод, розроблений В. Д. Бондалетовим [1]. Для зручності аналізу виділяємо 7 хро-